

ЖИЛ ОТВАЖНЫЙ КАПИТАН

ПРАВО носить звание народного артиста подтверждается дважды. Первый раз всем тем, что умещается в слове «творчество»: масштабностью таланта, одержимостью, самоотдачей. А потом памятью об этом таланте и этой самоотдаче. Памятью книжной, постепенно замирающей между строк, как отдалившееся эхо, или же, напротив, все расцветающей новыми легендами.

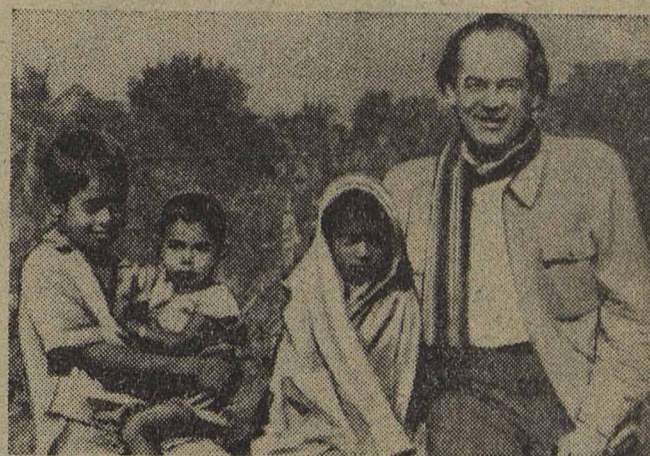
Когда умер Николай Черкасов, мои ленинградские знакомые прислали любительский снимок: траурная толпа возле театра. Люди подходили и подходили. Пришли без зова лучшие музыканты — играть. Это было ощущение всеобщего неотданного долга. Внезапное прозрение: как много мы все получили от этого человека! Моих ровесников он сопровождал с первых сознательных шагов: когда вышел «Поэт и царь», мы в кино еще не ходили, но Паганель стал нашим общим другом! Песенка об отважном капитане была для нас гораздо большим, чем модной мелодией, — хотя ее мурлыкали повсюду и без конца, — она сделалась лейтмотивом отрочества для целого поколения. Тем волшебным ключом, которым отмыкаются улыбки и со дна сундуков-лет достаются прежние молодые чувства...

Я стала думать о масштабе черкасовского таланта с той самой минуты, как в зале потух свет и на экране возникло, будто пролог, видение зимнего леса — березовых стволов и следов на снегу. Сознаюсь, прекрасную музыку Б. Ключнера я услышала только в эти начальные мгновения; дальше весь фильм «Рядом с другом» («Ленфильм») уже так и просидела с перехваченным горлом.

Наверное, искусство монтажа в фильме — это то же самое, что композиция в романе: перетасуй главы иначе — и получится как бы та книга, да не та. Сила воздействия изменится. Не знаю, кому из съемочного коллектива — сценаристу Л. Мархасеву, режиссеру А. Абрамову, оператору В. Карасеву — первому пришла произвольная мысль повторить на портретах Черкасова чудо Дорiana Грея: фотография накладывалась на фотографию; лицо молодело, время бежало вспять.

Постановщик Александр Абрамов сказал, что фильм делался долго и с робостью. У этой робости есть синоним: благоговение. Бережным отношением к образу Черкасова полон каждый кадр. Что поучительно, мне кажется, не только с точки зрения кинематографа, но и нравственно.

Фильм о Черкасове избегал шаблонов. Он не биографичен; и в нем нет ни дат, ни дикторского текста, и он не стремится поучать. Почему Борис Чирков вспоминал именно о том времени, когда

Кадр из фильма «Рядом с другом»

Черкасов с упоением проделывал эстрадные трюки, развлекал друзей фокусами и вообще умирал от желания играть каждый день, каждую минуту? Но это же так естественно! Глядя на цирковой спектакль, Чирков уловил нечто схожее между молодым актером с мячом-глобусом и Колей Черкасовым — тогда, на заре их актерской юности, «...когда все было молодо: и мы, и искусство»...

Каждый, кто рассказывает о Черкасове, — Янина Жеймо с ее незабываемыми вечно юными глазами Золушки; Толубеев, которого из кадра приглашают на сцену, потому что идет спектакль и актер не может надолго отвлекаться; Товстоногов, читающий лекцию студентам; Борисов перед пустым залом в тот таинственный час, когда зрители уже ушли; заgrimированный Кадочников в перерыве между съемками; писатель Рахманов, режиссер Хейфиц, Нина Николаевна Черкасова, или лифтерша из дома на Кронверкской, вспоминавшая о своем депутате, — все это трогает естественностью.

Мы прекрасно знаем, что путь на экран тернист и долг, что существуют и сценарий, и режиссерская раскадровка, и репетиции, и дубли, но на экране мы увидели лишь Время и Актера. Одно дыхание. Единый вздох. Газеты сорок первого года — и бой Александра Невского с тевтонами. Ночные съемки «Ивана Грозного», потому что днем не хватало электроэнергии, — депутатская трибуна и Полежаев.

Когда уходит большой артист, вспоминают: «Нам посчастливилось его видеть!» Мне посчастливилось. Несколько лет подряд я приезжала в Ленинград и неизменно смотрела Булгаковский «Бег» с Черкасовым. По мое-

му глубокому убеждению, — одну из его лучших ролей. В фильме Абрамова ожилась атмосфера поисков настоящего Хлудова. Единственного Хлудова. На письменном столе в опустевшей комнате среди многих тетрадок лежит роль. И карандаш Черкасова подчеркивает те слова, которые, как ему кажется, способны отомкнуть тайну образа.

Мне поистине посчастливилось! Я еще раз увидела его: сидящего на табуретке, со свисающей прядью взмокнувших волос, услышала его голос: «Я болен. Чем я болен? Болен ли я?» Карандаш актера пишет на полях: «Он болен неправым делом». Испепеляющий ответ.

Немного жаль, что точка в фильме поставлена на Дронове. Действительно, это была его последняя роль. Но в последний раз перед зрителем Черкасов вышел иначе. И это тоже было прекрасно и трагично. Мне рассказывала искусствовед Вера Викторовна Иванова как тяжелобольной Черкасов приехал на студию телевидения.

Сидя перед аппаратом, Вера Викторовна боковым зрением видела, как в двух шагах от нее, но скрытый от телезрителей, ловит воздухом Черкасов. И жалея его, тревожась о нем, она говорила и говорила, не останавливаясь. Уже совсем не то, что предусматривал план передачи, лишь не давая образоваться паузе, Черкасов начал понемногу оживать. Слабо улыбуясь. Подал знак еще дрожащей рукой. И вдруг в объектив не вошел, а впорхнул изящный, неизменно молодой наш отважный капитан!

А потом той же танцующей походкой он вышел из кадра и — повалился на руки окружающих. Отважный капитан простился.

Лидия ОБУХОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПОСМЫСЛОВА

11 ИЮН 1970

128